
РАКУРСЫ

А.В. ГЛУХОВА, А.И. КОЛЬБА, А.В. СОКОЛОВ*

ПОЛИТИКО-КОНФЛИКТНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ: СЕТЕВЫЕ АСПЕКТЫ¹

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы сетевых взаимодействий городских сообществ в условиях политических конфликтов. Теоретические основания исследования разработаны в русле теории политических сетей. В частности, для описания взаимодействий в ходе конфликтов иерархических и сетевых структур используется концепция «гетерархий». Объяснительная модель, предлагаемая авторами, также ориентирована на составляющие сетевого подхода, раскрывающие механизмы и способы формирования политической повестки дня и принятия решений с использованием потенциала политических сетей. Помимо этого, проведен анализ влияния сетевых взаимодействий на развитие городских сообществ.

Эмпирическая составляющая статьи базируется на результатах исследований, проведенных авторами в трех крупных региональных центрах РФ в 2019–

---

* Глухова Александра Викторовна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и политологии, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), e-mail: avglukhova@mail.ru; Кольба Алексей Иванович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия), e-mail: alivka2000@mail.ru; Соколов Александр Владимирович, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет (Ярославль, Россия), e-mail: alex8119@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19–011–00571 А «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала».

© Глухова А.В., Кольба А.И.,
Соколов А.В., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.04.08

2020 г. Исследование 2019 г. проводилось в формате полуструктурированных экспертных интервью с лидерами городских сообществ в Воронеже, Краснодаре и Ярославле. В 2020 г. в этих же городах был проведен экспертный опрос. Всего было опрошено 34 эксперта, представляющих городские сообщества, органы власти, научные центры, бизнес-структуры и др. По результатам исследований были сделаны выводы о расширении возможностей городских сообществ для участия в принятии решений на муниципальном уровне в рамках сетевых отношений, а также о преобладании конструктивного подхода к взаимодействиям с оппонентами в политико-конфликтных процессах. При этом ограничение их влияния на процессы принятия решений ролью «внимательной публики», которое наблюдается в настоящее время, может способствовать расширению деструктивных, в частности протестных, форм политической активности.

Ключевые слова: городские сообщества; городской конфликт; политические сети; генерархия; принятие политических решений.

Для цитирования: Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Политико-конфликтные взаимодействия городских сообществ: сетевые аспекты // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 185–209. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.08>

Введение

Развитие сетевых практик актуализирует потребность теоретико-методологического осмысления трансформаций, наблюдаемых в городском общественно-политическом пространстве, в котором формируются новые субъекты действий, меняется характер взаимоотношений между субъектами, формируются новые точки взаимодействия и конфронтации. В настоящее время традиционные форматы урегулирования конфликтных ситуаций, закрепленные в законодательстве о местном самоуправлении (публичные слушания, референдумы, обращения в органы власти), во многих случаях являются бессодержательными и не способствуют решению проблем городов по существу. Представительные органы власти в ряде случаев легитимируют решения, уже фактически predeterminedенные городскими администраторами на основе консультаций с бенефициарами тех или иных проектов. Параллельно этим процессам в крупных городах «прорастают» новые структуры принятия решений, имеющие сетевой характер. Борьба в городских конфликтах во многом разворачивается по сценариям, связанным с обеспечением доступа к центрам принятия решений. Городские сообщества, весьма активные в крупных городах, являются одним

из субъектов, претендующих на активное участие в процессе принятия решений по ключевым вопросам, касающимся жизни городского социума.

В этих условиях логично рассматривать сетевые составляющие их политико-конфликтных взаимодействий с другими субъектами городского пространства в качестве объекта исследования. Мы исходим из того, что участники городских конфликтов представляют собой политическое сообщество (*policy communities*) – совокупность акторов, которые объединяются вокруг проблемной области и разделяют общий интерес в формировании ее развития. Оно делится на две группы: «внимательная публика», которая в основном наблюдает за развитием событий, и «субправительство», включающее в себя тех акторов, которые активно включены в принятие решений. Термин «политическая сеть» (*policy networks*) отражает структурные или властные отношения между субъектами субправительства этого политического сообщества [Skogstad, 2005]. Городские конфликты в этом контексте рассматриваются как борьба внутри данного политического сообщества за доступ к механизмам принятия решений по поводу проблем развития города, а также борьба в ходе принятия конкретных решений.

В рамках данной работы мы хотели бы выявить значение подобных взаимодействий в конфликте и их влияние на его результаты. Кроме того, существенный интерес представляют основания взаимодействия иерархических и сетевых структур при принятии решений в условиях конфликта и возможности, открываемые в рамках сетевых взаимодействий для городских сообществ как субъектов конфликтов. Данные, полученные в ходе эмпирических исследований, дают возможность проверить гипотезу о позитивном влиянии использования данного типа взаимодействий на рост влияния городских сообществ в урегулировании конфликтных ситуаций.

Гражданское общество и государство в конфликтной парадигме: роль сетевых структур

История становления конфликтологического знания отчетливо демонстрирует тесную взаимосвязь между происходившими общественными процессами и их осмыслением в рамках того или

инного теоретико-методологического подхода. Феномен конфликта выдвигался в центр научного интереса, как правило, в кризисные периоды, сопровождавшиеся высокими темпами социально-политической динамики [Глухова, 2010]. В периоды стабильного, спокойного развития проблематика конфликтов маргинализировалась, отодвигалась на периферию общественного внимания. Главным вопросом, определявшим магистральную линию развития конфликтологического знания, оставался вопрос о том, как возможно целостное существование общества и как соотносятся общественный порядок и его изменение.

Доминирующей позицией на протяжении длительного исторического периода – вплоть до середины XIX в. – оставалась позиция порядка, рассматриваемого в рамках равновесной модели общества. Такая оптика общественных отношений в немалой степени определялась тем, что государство и гражданское общество воспринимались как единое целое, как определенный тип социальной общности, ставящей своих членов в положение зависимости от законов и таким образом обеспечивающей мир между ними и хорошее управление. С развитием капитализма в Европе гражданское общество начинает трактоваться как сфера свободной и частной собственности, являющейся вместе с тем источником противоречий между индивидами, а государство – как сила, сдерживающая эти противоречия, даже ценой некоторого ограничения свободы.

Отражением реального состояния общественных процессов стали парадигма равновесия и парадигма конфликта. Теории равновесия, при всех их многочисленных разновидностях¹, рассматривают практическое осуществление власти как процесс обмена, включающий всех граждан в рамках общественной системы, компоненты которой находятся в состоянии равновесия [Дарендорф, 2002, с. 411]. Если же интерпретировать власть / господство как средство принуждения, она станет центральной категорией при анализе неизменности и изменения, статики и динамики общественной системы. Власть неравным образом распределена и потому

---

¹ Речь идет об основном течении социологической мысли от О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, В. Парето, М. Вебера до Т. Парсонса, характеризовавшемся безоговорочным предпочтением общественного порядка и согласия, а не конфликтов и изменений.

остается непрерывным источником противоречий. «Из всех ситуаций ситуация равновесия наименее правдоподобна, это скорее редкий случай, чем правило, и равновесие вряд ли достигается, если эту случайность возводят в ранг основной посылки теории. Диалектика господства и сопротивления определяет ритм и направленность изменений» [Дарендорф, 2002, с. 413].

Подход Р. Дарендорфа – одного из классиков конфликтологии – разделяется многими отечественными авторами. По мнению А.И. Соловьева, в современном мире большинство проблем в организации социальной жизни в конечном счете произрастает из отношений государства и общества, т.е. тех исторических акторов, которых одни ученые рассматривают как извечных антагонистов, а другие – как органических партнеров. Впрочем, разные исторические коллизии заставляют больше склоняться чашу весов к конфликтным коммуникациям [Соловьев, 2018, с. 6]. При этом нынешняя ситуация создает особую сложность в поиске наиболее релевантного образа государства, включая его редуцирование к локальным формам самоорганизации сообществ, находящихся на различных стадиях своего развития. Причиной функциональной волатильности государства в его отношениях с обществом, отмечает А.И. Соловьев, являются «генетические конфликты» в сфере власти, обусловленные ее сложносоставной природой. «Власть как механизм принудительного регулирования, присущий всем типам и разновидностям общественных отношений, способна существовать только в полицентричной форме, распыленной по различным локальным площадкам социального взаимодействия», – полагает автор [Соловьев, 2018, с. 8–9]. Публичная форма организации власти также сохраняет эту структурную асимметрию. Конфликт самоосуществления власти выражен в каждый конкретный момент в том или ином структурном равновесии, которое является следствием конкуренции локальных центров власти, побочным продуктом борьбы за доминирующее местоположение, за официальные диспозиции, позволяющие наладить собственное распределение ресурсов в обществе [Соловьев, 2018, с. 9].

Таким образом, сама природа власти порождает структурный конфликт государства и общества, изменяющий лишь свои исторические формы и признающий временным победителем либо гражданскую, либо государственную стороны. Неспособность единого (официального) центра силы подчинить себе локальные

центры власти ведет к тому, что структуры частичной самоорганизации создают особую конфигурацию социального порядка – слабо организованную анархию. В этих условиях значимую роль в принятии решений играют сетевые элитные коалиции, обладающие тремя основными признаками: наличием заинтересованности в решении той или иной проблемы, обладанием профильных (для решения задачи и дефицитных для государства) ресурсов и возможностью встраивания в цепочки фактического целеполагания, прежде всего влияя на «узлы решений» [Соловьев, 2018, с. 13–14].

Теоретик коммуникативного подхода М. Кастельс обращает внимание на то, что властные отношения характеризуются динамикой между властью и контрвластью. «И власть, и контрвласть в значительной мере зависят от исхода схватки за власть над умами людей, разворачивающейся в пространстве мультимодальных коммуникационных сетей. Власть обеспечивают институты. А контрвласть чаще всего реализуется благодаря росту социальных движений» [Кастельс, 2017, с. 35]. Тем самым цифровые сети коммуникации становятся преобладающей формой опосредованной человеческой интеракции. При этом сохраняется и даже расширяется фронт в взаимоотношениях государства и общества, т.е. зона неопределенности, слабо регулируемая и законодательными, и информационно-символическими, и ментальными инструментами [Фронт сетевых обществ..., 2017]. Ее заполнение, в том числе и на уровне городской публичной политики, происходит за счет взаимодействия вертикальных и сетевых структур управления.

Взаимодействие сетей и иерархий в принятии решений в условиях конфликта на городском уровне

Проблема взаимодействия традиционных иерархических структур государственного и муниципального управления и сетевых структур является одной из ключевых при рассмотрении политико-управленческого потенциала последних. Во многих исследованиях она описывается на основе концепта «гетерархии», которая рассматривается как отношение друг к другу элементов, не имеющих ранга или обладающих потенциалом ранжирования несколькими способами [Crumley, 1995]. Она представляет собой

организационный диссонанс, порождающий новые комбинации ресурсов, недоступные вертикальным образованиям [Михайлова, 2014, с. 65]. Выделяют нисходящую и восходящую модели формирования гетерархий, где инициативу берут на себя властные и общественные структуры соответственно [Мирошниченко, Рябченко, Морозова, 2015]. Таким образом, гетерархии в сфере публичного управления призваны обеспечить сочетание вертикальных и горизонтальных, формальных и неформальных, групповых и индивидуальных связей, обеспечивая его гибкость и адаптивность к новым условиям. При распространении логики этих обобщений на конфликтные ситуации, возникающие на различных уровнях системы публичного управления, она должна допускать участие различных сетевых акторов в принятии решений относительно проблемы, вызвавшей конфликт. Однако политико-управленческая практика показывает, что это происходит далеко не всегда.

Сложившиеся взаимосвязи, в том числе и ранее практиковавшиеся и доказавшие свою эффективность, зачастую игнорируются органами власти, как и стремления отдельных акторов реализовать свои интересы в условиях конфликта. Такое поведение в публичном пространстве в итоге приводит к повышению напряженности [Осипов, 2018, с. 165] и, как следствие, эскалации конфликта, которая часто становится единственной возможностью привлечь внимание к ущемлению их прав и возможностей. Исходя из этого, можно утверждать, что само по себе включение сетевых акторов в систему принятия решений не гарантирует возможности влиять на них. Многое зависит от их значимости в структуре политического сообщества. Доминирующими здесь оказываются политико-административные сетевые коалиции, объединяющие собственников и контролеров крупных общественных ресурсов, что ведет к росту численности политических аутсайдеров, на которых списываются издержки проводимой политики [Соловьев, 2019]. Для других участников сетевого взаимодействия оно, по сути, приобретает имитационный характер; более того – могут активироваться «пустотелые» сети, в которых они сохраняют в лучшем случае совещательные позиции, в худшем – будут принуждаться к взаимодействию [Михайлова, 2016, с. 7–8].

Экстраполируя эти процессы на уровень городской политики и присутствующих ей конфликтов, можно отметить, что последние возникают, прежде всего, на почве несовпадения интересов раз-

личных субъектов при решении проблем локального уровня, формирующихся в его социальном пространстве. Поскольку субъектами их принятия выступают органы местного самоуправления, разворачивается борьба за доступ к околовластным площадкам, где данные решения формируются. При анализе системы политических взаимоотношений в городах мы можем увидеть наличие и нисходящих, и восходящих инициатив по созданию связей между иерархическими и сетевыми структурами. В числе первых можно отметить формирование общественных советов при органах МСУ по различным вопросам городского развития. Вторые представлены общественными движениями и проектами, исходящими от городских сообществ и гражданских активистов. Наличие в сфере публичной политики механизмов для онлайн- и офлайн- взаимодействия, казалось бы, позволяет сформировать гетерархии, способствующие преобразованию конфликтов в формате «выигрыш – выигрыш». Однако реальные результаты подобных конфликтов, которые мы можем наблюдать, в частности, рассматривая опыт крупных российских городов, сводятся не просто к ущемлению интересов отдельных сегментов населения, но и к общему снижению качества их развития. Бенефициарами принимаемых решений выступают, прежде всего, девелоперские компании, ведущие деятельность по освоению городского пространства [Тыканова, 2017]. Горожане же играют роль «внимательной публики».

На наш взгляд, одной из важных причин, обуславливающих такое положение вещей, является модель взаимодействия бизнеса и общественности с органами МСУ, которую мы ранее обозначили как модель «экспертного совета» [Глухова, Кольба, Соколов, 2018]. Ее сущностью является разделение договоренностей, достигаемых властью с бизнесом и с горожанами. При слабости механизмов политической ответственности городских властей по отношению к последним, гражданские активисты и городские сообщества могут в основном претендовать на участие в формировании «дискурсивной повестки», но не «повестки-плана», а также выступать в качестве объекта манипуляций при формировании «терапевтической повестки» (в терминологии А.И. Соловьёва). Таким образом, как отмечает этот исследователь, власти слышат высказанные позиции только в рамках собственных социально-политических измерений [Соловьёв, 2020]. Подобный формат институционализации городских конфликтов блокирует возможно-

сти коллаборативного планирования в рамках представительных органов местного самоуправления, общественных советов, публичных слушаний.

Шанс на открытие доступа к принятию решений у общественных структур появляется в том случае, если они могут усилить свои позиции в конфликте, в частности повысить свой ранг за счет объединения ресурсов. Это создает перспективы расширения сетевых взаимодействий между ними.

Формирование новых сетевых субъектов городских конфликтов и новых взаимосвязей

Усложнение социума в общем и городского пространства в частности приводит к формированию новых отношений и субъектов [Plucinski, 2018]. Здесь можно отметить деятельность множества различных гражданских (общественных) объединений, политических партий, клубов по интересам, волонтерских групп и т.д. Функционируя в едином пространстве, они начинают интенсивно взаимодействовать друг с другом, с органами власти, другими субъектами городской среды с целью продвижения и защиты собственных интересов [Jacobsson, 2016]. В результате своей активной деятельности, использования законодательно закрепленных процедур городские сообщества и движения оказывают существенное влияние на процесс принятия решений по значимым вопросам городской жизни [Bitušiková, 2015]. Как отмечают исследователи, подобное включение городских сообществ способствует, с одной стороны, развитию демократических процедур и практик, а с другой – приводит к возникновению конфликтов, так как артикулируются и претворяются в жизнь интересы различных, иногда противоречащих друг другу, групп [Staheli, 2003]. В связи с этим город и городское пространство могут рассматриваться как арена для социальной мобилизации и взаимодействия различных городских сообществ и групп [Domaradzka, 2018].

При этом одни городские сообщества в процессе отстаивания своих интересов выбирают стратегию конфронтации и протестных действий, а другие самоорганизуются, структурируются и включаются в качестве значимых профессиональных институциональных субъектов в процесс принятия решений на городском

уровне [Jacobsson, Saxonberg, 2013]. Среди первых можно привести примеры градозащитников и экологов. Даже будучи вовлеченными в институциональные структуры, они используют, в первую очередь, конфронтационные форматы работы, так как вынуждены реагировать на проблемные ситуации с застройкой территорий, защитой парковых зон, привлекать внимание к ущербу, наносимому окружающей среде. Только яркий и массовый протест может привлечь внимание к неожиданно возникшим подобным ситуациям, подвигнуть власти учитывать интересы горожан и членов сообществ.

Такие же сообщества, как предприниматели, автолюбители, владельцы домашних животных и представители других клубов по интересам, чьи проблемы не являются спонтанными, касаются системных аспектов функционирования городского пространства, готовы к институционализации взаимодействия с властью и длительной выработке решений, устраивающих заинтересованные стороны.

Постепенно формируется множественность субъектов городского пространства, каждый из которых (ТСЖ, градозащитники, общественные объединения, скваттеры, культурные объединения, собственники недвижимости) имеет собственные цели, но в ситуациях необходимости защиты своего пространства вступают в коалиции, объединяются, и меняют ранее существовавшие балансы сил, позволяя повысить значимость и вероятность обеспечения защиты интересов горожан [Florea, Gagyı, Jacobsson, 2018].

А. Домарадзка формулирует собственную классификацию сообществ и гражданских групп, которые функционируют в городском пространстве.

1. Группы, борющиеся за социально-экономические права (профсоюзы, объединения безработных, объединения маргинализированных граждан, объединения социальных предпринимателей).

2. Группы, борющиеся за жилищные права (скваттеры, объединения нанимателей жилья, активисты ТСЖ и др.).

3. Группы, борющиеся за гражданские и политические права (избирательные комитеты, группы по отстаиванию интересов и др.).

4. Группы, борющиеся за защиту окружающей среды (экологические общественные организации, продовольственные кооперативы и др.).

5. Группы, борющиеся за культурные права (этнические и религиозные объединения, культурные объединения, защитники исторического наследия и др.).

6. Группы, борющиеся за права инвесторов (объединения инвесторов и домовладельцев) [Domaradzka, 2018].

Значимость данных групп постоянно возрастает, в связи с чем был сформулирован концепт «глокализации», характеризующий, в том числе, выстраивание сетей и партнерств в городском пространстве вследствие процессов мобилизации горожан [Gobo, 2016].

Активизация городского пространства, формирование в нем множества субъектов (в том числе посредством повышения субъектности городских сообществ) предопределила формирование нового дискурса: «Чьим является город?» [Sassen, 1996]. Тем самым городские сообщества могут формировать свою повестку, привлекать внимание к своим потребностям и требованиям, противостоять коммерциализации городской среды. Находя общие интересы, городские сообщества выстраивают партнерства и коалиции с целью защиты собственных интересов, и в то же время вступают в конфликты с теми субъектами городского пространства, чьим целям они хотят противостоять. Данные процессы существенно усложняют городскую жизнь, стимулируют процессы группосозидания и формирования субъектности акторов.

Значительное влияние на эти процессы оказывает развитие информационно-коммуникативных технологий, которые упрощают коммуникацию между гражданами, позволяют им формировать и усиливать человеческий капитал, эффективно организовывать коллективные действия по отстаиванию своих интересов и законных прав [Bennett, Segerberg, 2013]. Новые технологии позволяют легче мобилизовать граждан в коллективные действия, тем самым формируют значимые объединения, с которыми вынуждены считаться органы власти. Фактически это приводит к формированию в городском пространстве новых субъектов – объединений граждан. Ранее, не имея возможности легко объединяться, обмениваться информацией, координировать совместные действия, граждане оказывались легко игнорируемыми и ущемляемыми категориями. Теперь они относительно легко объединяются, выстраивают коммуникацию и выступают значимыми субъектами информационного пространства, а затем и социально-политического пространства города.

Само по себе объединение граждан происходит по различным принципам, критериям. Однако объединившись, начав совместную деятельность, граждане формируют свою групповую идентичность, осознают общность интересов и необходимость их защиты. При этом исследования демонстрируют четкую взаимосвязь: чем сильнее идентификация с группой, тем больше стремление действовать в защиту группы [Stürmer, Simon, 2009]. В связи с этим принципиально важным становится желание членов группы вносить собственный вклад в ее функционирование, защиту ее интересов [Орр, 2012].

При этом чувство идентичности, иницируя процесс коллективного действия, способствует в конечном итоге и структурированию группы [Drury, Reicher, Stott, 1999], формированию у нее значимой субъектности [Ranciere, 1999]. Данная субъектность является следствием осознания наличия прав, интересов, возможности высказывания своих требований, которые должны быть учтены в процессе принятия решений органами власти.

В то же время важно отметить, что и сами по себе коллективные и совместные действия граждан способствуют формированию объединений по интересам, а также идентичности. Тем самым наблюдается значимый процесс – идентичность и коллективные действия усиливают друг друга [Klandermans, 2014].

Развитие ИКТ изменило сущность взаимодействия активистов. Оно постепенно трансформировалось от иерархичных систем к сетевым [Heijden, 2014]. Сетевые структуры более эффективны в процессе производства ценностей, обмена информацией и ресурсами, так как они позволяют гражданам выбирать степень и форматы вовлеченности в коллективные действия.

Вместе с тем нельзя не отметить, что сетевое взаимодействие не предполагает полностью «плоской» организационной структуры. В ней постепенно выявляются ключевые коммуникационные узлы (лидеры), которые координируют участников, осуществляют генерирование и транслирование контента [Diani, 2000].

Объединяясь, граждане формируют механизмы взаимодействия, коммуникации, символические практики с целью обеспечения защиты собственных интересов и влияния на других значимых субъектов социально-политического пространства [McAdam, McCarthy, Zald, 1996].

При этом существует достаточно много исследований, которые доказывают значимость интернет-инструментов в процессе отстаивания объединениями граждан своих интересов (посредством облегчения мобилизации сторонников, упрощения доступа к обмену информацией), в результате чего они становятся неотъемлемым элементом организационной структуры [Brady, Verba, Schlozman, 1995; Tufekci, 2014]¹.

Интернет стал значимым инструментом самоорганизации горожан, выступив важным стимулом развития сетевых практик в городском пространстве. Коммуникация и взаимодействие граждан в Интернете приводят к формированию новых сообществ, члены которых в обычной жизни никогда не взаимодействовали и даже не были знакомы. В социальных сетях формируются специфические виртуальные пространства с собственной информационной повесткой, активными дискуссиями [Cho et al., 2009], на которые вынуждены реагировать органы власти.

Таким образом, можно говорить о том, что Интернет и его возможности существенным образом развивают и дополняют инструментарий для самоорганизации граждан, организации и осуществления ими коллективных действий, формирования альтернативной субъектности в социально-политическом пространстве [Burt, 2005].

При этом сообщества граждан зачастую оказываются более эффективными в цифровом пространстве, чем органы власти и другие субъекты, с которыми они вступают в конфликт. Как отмечает С.В. Володенков, в Интернете не существует цифрового равенства [Володенков, 2018], и необходимо постоянно предпринимать усилия для продвижения в информационном пространстве, обеспечения доминирования собственной позиции и точки зрения.

---

¹ См. также: Tufekci Z. Capabilities of movements and affordances of digital media: paradoxes of empowerment // DML Central. – 2014. – Mode of access: <https://dmlcentral.net/capabilities-of-movements-and-affordances-of-digital-media-paradoxes-of-empowerment/> (accessed: 01.07.2021).

Методология исследования

В 2019–2020 гг. авторами статьи были проведены исследования, направленные, в том числе, и на выявление потенциала сетевых взаимодействий конфликтующих городских сообществ.

Исследование 2019 г. проводилось в форме полуструктурированных экспертных интервью с лидерами сообществ в трех крупных региональных центрах России: Воронеже, Краснодаре, Ярославле. В числе блоков вопросов были затронуты и проблемы взаимодействия сообществ с политическими институтами на городском и региональном уровне, а также роль новых средств коммуникации в этих процессах.

В 2020 г. авторами было проведено исследование в формате экспертного опроса в указанных городах. Всего было опрошено 34 эксперта, представляющих городские сообщества, некоммерческие организации и гражданские инициативы, органы власти регионального и местного уровня, бизнес-структуры, академическую среду (в Ярославле было опрошено 13 экспертов, в Воронеже – 10, в Краснодаре – 11).

Одним из ключевых исследовательских вопросов в обоих исследованиях было выявление роли сетевых взаимодействий в деятельности конфликтующих городских сообществ.

Опрошенными респондентами стали эксперты, обладающие необходимым уровнем компетентности, что связано с их включенностью в процессы функционирования городских сообществ, либо взаимодействия с городскими сообществами. Осведомленность по проблемам исследования стала главным критерием при выборе участников опроса. Экспертами исследования стали сотрудники региональных и местных органов власти, ученые, бизнесмены, члены и руководители общественных организаций, политических партий, представители СМИ и др.

Использованный метод независимых характеристик позволил обработать собранные данные таким образом, чтобы каждое описываемое явление получило обобщенную оценку на основе собранных разных мнений независимых экспертов. В рамках исследования были реализованы три этапа. Первый этап заключался в выявлении и соотнесении мнений экспертов, второй – в обработке собранных данных с помощью статистических проце-

дур для определения позиций экспертов, на третьем этапе формулировались выводы.

Сетевые взаимодействия городских сообществ в условиях конфликта: эмпирический ракурс

При проведении интервью 2019 г. лидерам сообществ задавались вопросы тематического блока о формировании сообществ (Есть ли в сообществе выраженные лидеры? Имеется ли в сообществе выраженная иерархия (лидеры управляют) или преобладают горизонтальные связи (участники равны)? Насколько четко обозначены границы сообщества?)

Анализ мнений участников интервью показывает, что для успешного функционирования сообщества важно наличие ядра (от двух до десяти человек). Лидерство характеризуется как неформальное, ситуативное. В сообществах преобладают структуры, основанные на горизонтальных связях (горизонтальный социальный контракт), позволяющие распределять функции между участниками. При этом неформальные лидеры фактически обладают более высоким статусом, так как за счет доступных ресурсов (информация, опыт гражданской деятельности, знание технологий взаимодействия и др.) они определяют и задают как направление, так и скорость развития городских сообществ.

Отдельный блок вопросов был посвящен взаимодействию с политическими институтами и лидерами. (Как локальные сообщества взаимодействуют с политическими институтами? Принимают ли лидеры и члены локальных сообществ активное участие в политической деятельности? Каким образом они становятся участниками политической жизни?) Ответы демонстрируют различную степень вовлеченности городских сообществ в такие взаимодействия:

– Взаимодействие [с политическими институтами] – скорее исключение... <...> Все созданные для этого площадки – советы и палаты заняты «формальными» людьми, которые о реальной картине в обществе не знают, и им знать не надо (эксперт, Воронеж).

– Мы активно взаимодействуем с органами местного самоуправления и принимаем участие в разного рода комиссиях и дискуссиях (эксперт, Воронеж).

– Сообщества пытаются донести до власти свои мысли и интересы. Иногда и сообщества могут быть нужны политическим институтам, но только в качестве передатчика информации (эксперт, Ярославль).

– Есть «карманная» общественность, а есть настоящая (эксперт, Краснодар).

– Если говорить про органы власти, то они достаточно контактны, однако после того как сообщество дорастает до определенного уровня. Особенно это заметно, когда сообщество начинает быть интересно самой власти, например, для распространения информации или проверки собственных решений (эксперт, Ярославль).

Таким образом, городские сообщества, как правило, включаются во взаимодействие с властными структурами (шире – с политическими институтами в целом) в тех случаях, когда они представляют для последних какой-либо практический интерес. Если такового не обнаруживается, устремления горожан могут игнорироваться.

Еще один блок вопросов был посвящен каналам коммуникаций (Какими информационными каналами преимущественно пользуется локальное сообщество: для продвижения своих интересов? Для получения информации о себе самом? Для получения информации из окружающей среды, о политике? Насколько важно получение такой информации для сообщества?). Интересно, что коммуникации зачастую воспринимаются лидерами сообществ как сетевые взаимодействия и значимы, прежде всего, в контексте отношений внутри сообщества и использования социальных сетей, преимущественно для распространения информации:

– Интернет в значительной степени изменил сообщества. Он добавил огромный коммуникативный плюс для реальных сообществ, а еще дал возможность появиться виртуальным сообществам (эксперт, Ярославль).

– Основным источником Интернет я бы не назвал. Он как бы витрина, на которую поступает информация от реальных людей (эксперт, Ярославль).

– Новые технологии сказываются, прежде всего, на появлении публикаций с большим количеством видеоконтента (эксперт, Воронеж).

– *Нужно присутствие сообществ в сети. А где им тогда делиться? Главное, чтобы они выносили информацию о событиях* (эксперт, Краснодар).

В качестве основных аспектов сетевых взаимодействий здесь фигурируют внутренняя и внешняя коммуникация, распространение информации, важной для сообществ. Это подтверждает их включенность, прежде всего, в дискурсивные практики, без привязки к оценке эффективности воздействия на решение той или иной проблемы. Важно подчеркнуть, что сеть для интервьюируемых – это, прежде всего, пространство Интернета.

К наиболее важным источникам и каналам распространения информации относятся Интернет, социальные сети, в которых представлены узловые коммуникаторы – члены сообщества, личные контакты.

Отдельный блок вопросов был посвящен участию сообществ в конфликтах и его эффектам (Часто ли вашему сообществу приходится участвовать в конфликтах? По поводу чего эти конфликты происходят? Какие формы участия в конфликтах преобладают? Каких результатов удается добиться по итогам конфликтов? Как сказывается участие сообществ в конфликтах на их деятельности?).

Результаты опроса показывают, что конфликтная повестка играет большую роль в жизнедеятельности сообществ. Наиболее распространены конфликты городских сообществ с местными властями. Основной формой конфликтования является публичная апелляция к органам власти различного уровня (коллективные обращения, распространяемые через социальные сети). Распространены также публичный протест, сбор подписей, митинги, прекращение диалога. Лидеры сообществ отмечают, что публичный протест рассматривается как крайняя мера, использование которой несет высокие риски для участников.

В ходе исследования были выявлены как позитивные для сообществ (решение проблемы в пользу сообщества, популяризация его деятельности, улучшение репутации), так и негативные (трата ресурсов без достижения цели, раскол сообщества, снижение активности сообщества после конфликта) результаты конфликтования.

Исследование 2020 г. разрабатывалось с опорой на данные, полученные в предыдущем году. В экспертном опросе использовались преимущественно закрытые и полузакрытые вопросы. В частности, эксперты должны были оценить значимость различ-

ных каналов вовлечения сторонников в ходе конфликтов с участием городских сообществ. Среди важнейших из них были особо выделены группы в социальных сетях, мессенджерах. Также средства взаимодействия в сети Интернет были отмечены как важные для внешних (публичные интернет-каналы, открытые группы в социальных сетях и др.) и внутренних (непубличные интернет-каналы, закрытые группы в социальных сетях и др.) коммуникаций сообществ. Оценивая полученные данные, важно подчеркнуть, что тематика сетевых взаимодействий вызывает у большинства экспертов устойчивые ассоциации с коммуникациями в социальных сетях Интернета (как и в интервью 2019 г.), т.е. само понятие сети приравнивается к возможности взаимодействовать онлайн. При этом большинство экспертов указали на необходимость развития двухуровневых городских сообществ, где отдельные территориальные группы объединяются с общегородскими структурами, выполняющими роль координаторов.

Оценивая влияние конфликтов на активность городских сообществ в публичной сфере, эксперты выразили практически полное единодушие в том, что конфликты не могут оставаться на периферии их функционирования. При этом характер их влияния остается дискуссионным вопросом. Большая часть экспертов оценивают его позитивно («конфликты являются главным фактором формирования, роста и развития сообществ», «способствуют развитию сообществ», «способствуют формированию новых сообществ в городском пространстве»). Однако значительна доля и тех, кто видит возможность разрушения слабых сообществ, а также снижения активности сообщества в ситуации конфликта. Участие сообществ в городских конфликтах, особенно если оно было в достаточной степени успешным, дает стимулы для дальнейшего функционирования, но в то же время может остаться лишь эпизодом.

Оценивая динамику изменения влияния городских сообществ на разрешение городских проблем, большинство экспертов отметили, что сообщества стали сильнее влиять на данный процесс, а сам характер воздействия стал более конструктивным. Наибольшее же влияние городские сообщества, по мнению экспертов, получили в решении экологических проблем и развитии общественных пространств. Помимо этого, менее половины экспертов заметили значимость сообществ в вопросах развития городской инфраструктуры и упорядочивания градостроения.

Вместе с этим, если ориентироваться на оценки экспертов, сообщества стали реже пытаться влиять на формирование органов муниципальной власти, заниматься символической составляющей развития города. Развитие сообществ (выражающееся как в увеличении численности их членов, численности самих сообществ в городском пространстве, так и в росте их влияния на процесс принятия решения в городском социуме) во многом обусловлено использованием интернет-коммуникаций, позволяющих им активно применять информационные ресурсы. Ограничения их роста во многом связаны с низким уровнем их интеграции в политические процессы города.

Выводы

В рамках представленного исследования была обоснована применимость отдельных положений и концептов теории политических сетей к исследованию политико-конфликтных взаимодействий городских сообществ. На наш взгляд, они доказывают свою эффективность для анализа городских конфликтов, поскольку отношения участников последних во многом имеют сетевой характер. Следующим шагом в этом направлении исследований должна стать разработка собственно сетевого инструментария, позволяющего собирать и обрабатывать эмпирический материал. Подобные попытки уже предпринимались рядом исследователей поля локальной политики, в частности, коллективом под руководством И.В. Мирошниченко [см., например: Мирошниченко, Рябченко, 2015], и их следует развивать.

Возможности, связанные с использованием городскими сообществами сетевых взаимодействий в ходе конфликта, обусловлены спецификой взаимодействия общества и государства. Они являются субъектами *policy communities* крупных городов, а их лидеры и активисты претендуют на вхождение в состав «субправительств». Это позволяет сообществам взаимодействовать с иерархическими структурами городского управления, оказывать влияние на действия оппонентов и принятие решений относительно предмета конфликтных отношений. Деятельность сообществ поддерживается в первую очередь офлайн, однако взаимодействие в сети Интернет для всех сообществ является важным фактором

существования. Сообщества, как правило, сочетают онлайн- и офлайн-проекции.

В городских конфликтах одной из ключевых проблем политического управления конфликтной ситуацией является доступ к принятию решений по вопросам развития городов. Как показал анализ ситуации в трех крупных региональных центрах современной России, сложившиеся конфигурации сетевых отношений между основными субъектами конфликтов (городские сообщества, девелоперский бизнес, власть) дают значительные преимущества коммерческим структурам, обладающим существенными ресурсами влияния и зачастую аффилированными с органами власти. Сообщества, стремясь более активно влиять на процессы развития города, действуют преимущественно в пространстве дискурса о городских проблемах, а не принятия решений как таковых. Политические институты, прежде всего местные органы власти, воспринимаются ими в большинстве случаев как оппонент, но коммуникации с ними необходимы. Преобладают конвенциональные каналы и средства политической коммуникации: публичные слушания, обращения, участие в выборах. Отмечается рост заинтересованности политических структур, в том числе партий, в вовлечении городских активистов в свою деятельность, в том числе выдвижении в качестве кандидатов для участия в местных выборах.

Сетевые взаимодействия дают возможность повысить роль сообществ в определении перспектив развития городов. С распространением различных форм интернет-коммуникации для активистов, представляющих их в публичном пространстве, открываются новые каналы активизации существующих сообществ и создания новых каналов в онлайн-пространстве, а также формирования сетевых коалиций. Мобилизация и рекрутирование в сообществах происходят преимущественно через интернет-каналы (социальные сети, мессенджеры) и личные контакты. Развитие субъектности сообщества расширяет возможности конструктивного оппонирования и в конечном итоге подразумевает их интеграцию в систему принятия решений относительно наиболее значимых проблем городского развития.

Эмпирическое исследование также показало, что городские сообщества имеют преимущественно конструктивные установки в конфликтах и нацелены на решение проблем по существу. Эскалация конфликтов, дестабилизация политической ситуации на мест-

ном уровне не входят в число приоритетов как на уровне выбора стратегии, так и тактики взаимодействия с оппонентами. В то же время ощущается выраженный недостаток институциональных возможностей для реализации гражданской и политической активности членов сообществ, обеспечения участия в принятии решений по значимым для города проблемам. Ограничения форматов активности, связанные с нежеланием лидеров сообществ обострять конфликты, не позволяют существенно изменять повестку, задаваемую городскими властями. В связи с общим ростом протестной активности в крупных городах РФ это может привести к смещению центра тяжести взаимодействий в сторону более деструктивных форм. В свою очередь, активное развитие деятельности городских сообществ в данном направлении связано с распространением длительных и острых городских конфликтов, раскалывающих городское пространство в силу того, что при попытках политизации конфликта органы власти реже идут на контакт с лидерами городского сообщества.

A.V. Glukhova, A.I. Kolba, A.V. Sokolov*

Political conflict interactions of urban communities: network aspects¹

Abstract. The article deals with the problems of network interactions of urban communities in the context of political conflicts. The theoretical foundations of the study are developed in line with the theory of political networks. In particular, the concept of “heterarchies” is used to describe interactions in the course of conflicts between hierarchical and network structures. The explanatory model proposed by the authors is also focused on the components of the network approach, revealing the mechanisms and ways of shaping the political agenda and making decisions using the potential of political networks. In addition, an analysis of the impact of network interactions on the development of urban communities was carried out.

The empirical component of the article is based on the results of research conducted by the authors in three large regional centers of the Russian Federation in 2019–2020. The 2019 study was conducted in the format of semi-structured expert interviews

---

* **Glukhova Aleksandra**, Voronezh State University (Voronezh, Russia), e-mail: avglukhova@mail.ru; **Kolba Alexey**, Kuban State University (Krasnodar, Russia), e-mail: alivka2000@mail.ru; **Sokolov Aleksandr**, Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia), e-mail: alex8119@mail.ru

¹ The reported study was funded by RFBR according to the research project number 19-011-00571 A.

with leaders of urban communities in Voronezh, Krasnodar and Yaroslavl. In 2020, an expert survey was conducted in the same cities. In total, 34 experts were interviewed, representing urban communities, authorities, research centers, business structures, etc. Based on the results of the research, conclusions were drawn about the empowerment of urban communities to participate in decision-making at the municipal level within the framework of network relations, as well as the prevalence of a constructive approach to interactions with opponents in political conflict processes. At the same time, limiting their influence on decision-making processes to the role of the “attentive public”, which is observed at the present time, can contribute to the expansion of destructive, in particular, protest forms of political activity.

Keywords: urban communities; urban conflict; political networks; heterarchy; political decision making.

For citation: Glukhova A.V., Kolba A.I., Sokolov A.V. Political conflict interactions of urban communities: network aspects. *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 185–209. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.08>

References

- Bennett L., Segerberg A. *The logic of connective action. Digital media and the personalization of contentious politics*. Cambridge : Cambridge university press, 2013, 256 p.
- Bitušiková A. Urban activism in Central and Eastern Europe: a theoretical framework. *Slovensky Narodpis*. 2015, N 63 (4), P. 326–338.
- Brady H., Verba S., Schlozman K.L. Beyond SES: a resource model of political participation. *American political science review*. 1995, Vol. 89, N 2, P. 271–294. DOI: <https://doi.org/10.2307/2082425>
- Burt R.S. *Brokerage and closure. An introduction to social capital*. Oxford : Oxford university press, 2005, 279 p.
- Castells M. *The power of communication*. Moscow : Higher School of Economics, 2017, 591 p. (In Russ.)
- Cho J., Shah D.V., McLeod J.M., McLeod D.M., Scholl R.M., Gotlieb M.R. Campaigns, reflection, and deliberation: Advancing an O-S-R-O-R model of communication effects. *Communication theory*. 2009, Vol. 19, N 1, P. 66–88. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2008.01333.x>
- Crumley C. Heterarchy and the analysis of complex societies. *Archeological papers of the American anthropological association*. 1995, Vol. 6, N 1, P. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1525/ap3a.1995.6.1.1>
- Dahrendorf R. *Out of utopia*. Moscow : Praxis, 2002, 536 p. (In Russ.)
- Diani M. Social movement networks virtual and real. *Information, communication and society*. 2000, Vol. 3, N 3, P. 386–401. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691180051033333>
- Domaradzka A. Urban social movements and the right to the city: an introduction to the special issue on urban mobilization. *Voluntas: International journal of voluntary and*

- nonprofit organizations*. 2018, Vol. 29, N 4, P. 607–620. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11266-018-0030-y>
- Drury J., Reicher S., Stott C. Transforming the boundaries of collective identity: from the “local” anti-road campaign to “global” resistance? *Social movement studies*. 2003, Vol. 2, N 2, P. 191–212. DOI: <https://doi.org/10.1080/1474283032000139779>
- Florea I., Gagyi A., Jacobsson K. A field of contention: evidence from housing struggles in Bucharest and Budapest. *Voluntas: International journal of voluntary and nonprofit organizations*. 2018, Vol 29, N 4, P. 929–635. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11266-018-9954-5>
- Gandaloeva M.T., Miroshnichenko I.V., Morozova E.V., Plotichkina N.V., Ryabchenko N.A., Tereshina M.V., Barley K.V. *The frontier of the network society as a space of political interaction: monograph*. Krasnodar : Prospects for education, 2017, 270 p. (In Russ.)
- Glukhova A.V., Kolba A.I., Sokolov A.V. Urban conflict as object of research and political management: conceptualization problems. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 2018, N 4, P. 5–12. (In Russ.)
- Glukhova A.V. *Political conflicts: foundations, typology, dynamics (theoretical and methodological analysis)*. 2nd ed. Moscow : LIBROKOM, 2010, 280 p. (In Russ.)
- Gobo G. Globalization: A critical introduction. *European journal of cultural and political sociology*. 2016, Vol. 3, N 2–3, P. 381–385. DOI: <https://doi.org/10.1080/23254823.2016.1209886>
- Heijden H.-A. Environmental networks and social movement theory. *Environmental politics*. 2014, Vol. 23, N 6, P. 1111–1113. DOI: <https://doi.org/10.1080/09644016.2014.939417>
- Jacobsson K. Introduction: the development of urban movements in Central and Eastern Europe. In: Jacobsson K. (ed.). *Urban grassroots movement in Central and Eastern Europe*. New York : Routledge, 2016, P. 1–32.
- Jacobsson K., Saxonberg S. *Beyond NGO-ization. The development of social movements in Central and Eastern Europe*. Farnham : Ashgate, 2013, 280 p.
- Klandermans P.G. Identity politics and politicized identities: identity processes and the dynamics of protest. *Political psychology*. 2014, Vol. 35, N 1, P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12167>
- McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. *Comparative perspectives and social movements: political opportunities, mobilizing structures, and cultural framing*. New York : Cambridge university press, 1996, 426 p.
- Mikhailova O.V. *Network architecture of public administration: problems of conceptualization and practice: dis... doctors of political sciences*. Moscow, 2014, 335 p. (In Russ.)
- Mikhailova O.V. How are power positions on the state actors in networks are possible or «Cheshire cat governance strategy». *Human. Management. Community*. 2016, Vol. 17, N 4, P. 6–17. (In Russ.)
- Miroshnichenko I.V., Ryabchenko N.A., Morozova E.V. Heterarchies as hybrid political institutions of a new political reality. *Caspian region: politics, economics, culture*. 2015, N 4 (45), P. 116–121. (In Russ.)
- Miroshnichenko I.V., Ryabchenko N.A. Networking resources of the development of local policies. *Central Russian journal of social sciences*. 2015, Vol. 10, N 5, P. 38–49. (In Russ.)

- Opp K-D. Collective identity, rationality and collective political action. *Rationality and society*. 2012, Vol. 24, N 1, P. 73–105. DOI: <https://doi.org/10.1177/1043463111434697>
- Osipov V.A. *The concept of "heterarchy": conceptualization, subject field and heuristic possibilities in the analysis of public policy*: dis.... candidate of political sciences Moscow, 2018, 170 p. (In Russ.)
- Plucinski P. Forces of altermodernization: urban social movements and the new urban question in contemporary Poland. *Voluntas: International journal of voluntary and nonprofit organizations*. 2018, N 29, N 4, P. 653–669. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11266-018-0007-x>
- Ranciere J. *Disagreement: politics and philosophy*. Minneapolis, MN : University of Minnesota press, 1999, 145 p.
- Sassen S. Whose city is it? Globalization and the formation of new claims. *Public culture*. 1996, Vol. 8, N 2, P. 205–223. DOI: <https://doi.org/10.1215/08992363-8-2-205>
- Skogstad G. Policy networks and policy communities: conceptual evolution and governing realities. Workshop on “Canada’s contribution to comparative theorizing” annual meeting of the Canadian political science association. London ; Ontario : University of Western Ontario, 2005, 16 p.
- Soloviev A.I. State and society: new facets of historical conflict. *South-Russian journal of social sciences*. 2018, Vol. 19, N 4, P. 6–24. (In Russ.)
- Soloviev A.I. Political agenda of the government, or why the state needs the society. *Policy. Political studies*. 2019, N 4, P. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02> (In Russ.)
- Soloviev A.I. Governmental agenda in state decision-making: political forms and mechanisms of interaction. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 2020, N 2, P. 53–59. (In Russ.)
- Staehele L. Cities and citizenship. *Urban geography*. 2003, Vol. 24, N 2, P. 97–103. DOI: <https://doi.org/10.2747/0272-3638.24.2.97>
- Stürmer S., Simon B. Pathways to collective protest: Calculation, identification, or emotion? A critical analysis of the role of group-based anger in social movement participation. *Journal of social issues*. 2009, Vol. 65, N 4, P. 681–705. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2009.01620.x>
- Tufekci Z. The medium and the movement: digital tools, social movement politics, and the end of the free rider problem. *Policy & Internet*. 2014, Vol. 6, N 2, P. 202–208. DOI: <https://doi.org/10.1002/1944-2866.poi362>
- Tykanova E.V. The City as a territory of inequality: challenging the demolition of garage buildings in St. Petersburg. *St. Petersburg sociology today*. 2017, N 8, P. 54–72. (In Russ.)
- Volodenkov S.V. Digital technologies in the system of traditional institutions of power: political potential and contemporary challenges. *Bulletin of the Moscow Region State University (electronic journal)*. 2018, N 2, P. 39–48. DOI: <http://dx.doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-893> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Володенков С.В.* Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – 2018. – № 2. – С. 39–48. – DOI: <http://dx.doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-893>
- Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В.* Городской конфликт как объект исследования и политического управления: проблемы концептуализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2018. – № 4. – С. 5–12.
- Глухова А.В.* Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – Изд. 2. – 280 с.
- Дарендорф Р.* Тропы из утопии. – М. : Праксис, 2002. – 536 с.
- Кастельс М.* Власть коммуникации. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 591 с.
- Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А., Морозова Е.В.* Гетерархии как гибридные политические институты новой политической реальности // Каспийский регион: политика, экономика культура. – 2015. – № 4 (45). – С. 116–121.
- Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А.* Сетевые ресурсы развития локальной политики // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10, № 5. – С. 38–49.
- Михайлова О.В.* Как возможны властные позиции государства в сетевых альянсах, или «Стратегия Чеширского кота» по управлению сетями // Человек. Сообщество. Управление. – 2016. – Т. 17, № 4. – С. 6–17.
- Михайлова О.В.* Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики: дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – 335 с.
- Фронт сетевых обществ как пространство политического взаимодействия / *М.Т. Гандалова, И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова, Н.В. Плотицкина, Н.А. Рябченко, М.В. Терещина, К.В. Ячменник.* – Краснодар: Перспективы образования, 2017. – 272 с.
- Осинов В.А.* Понятие «гетерархия»: концептуализация, предметное поле и эвристические возможности в анализе публичной политики: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2018. – 170 с.
- Соловьев А.И.* Государство и общество: новые грани исторического конфликта // Южно-российский журнал социальных наук. – 2018. – Т. 19, № 4. – С. 6–24.
- Соловьев А.И.* Политическая повестка правительства, или Зачем государству общество // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 8–25. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02>
- Соловьев А.И.* Правительственная повестка в принятии государственных решений: политические формы и механизмы взаимодействия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2020. – № 2. – С. 53–59.
- Тыканова Е.В.* Город как территория неравенства: оспаривание сноса гаражных строений в Санкт-Петербурге // Петербургская социология сегодня. – 2017. – № 8. – С. 54–72.